

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

УДК 929

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-1/5-14>

М.С. Михалев*

БУДДИЙСКИЕ УЧИТЕЛЯ РОССИИ: БУРЯТСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ ЧОЙДАГ БАДМАЖАПОВ И ЕГО ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ**

Статья посвящена бурятскому ученому Чойдагу Бадмажапову, составителю ставшего классическим тибетского толкового словаря, чье имя широко известно в Тибете и Китае, но лишь недавно стало приобретать известность на родине благодаря усилиям бурятских краеведов. Автор не только анализирует биографию и систематизирует разрозненные сведения об обширном творческом наследии ученого, но и намечает перспективные траектории дальнейших исследований.

Ключевые слова: Чойдаг Бадмажапов, буряты, Тибет, тибетский словарь

Buddhist teachers of Russia: Buryat educator Choidag Badmazhapov and his heritage. MAXIM S. MIKHALEV (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

The article is devoted to Buryat scholar Choidag Badmazhapov, the compiler of the famous Tibetan-Tibetan dictionary, whose name is widely known in Tibet and China, but only recently began to gain fame in his homeland thanks to the efforts of Buryat regional historians. The author not only analyzes the biography and systematizes fragmented information about his extensive scientific legacy, but also outlines promising trajectories for further research.

Keywords: Choidag Badmazhapov, Geshe Chödrak, Buryats, Tibet, Tibetan dictionary

Бурятский монах на Крыше мира

Имя Чойдага (Чойдака) Бадмажапова практически неизвестно российскому читателю, т.к. оно лишь недавно начало медленно возвращаться из исторического забвения. Будущий переводчик, просветитель и энциклопедист родился в 1898 г.

на территории современного Кяхтинского района Республики Бурятия в местности Ара-Алцагат. Под руководством своего дяди (по другим сведениям – отца) ламы Мухора Бадмажапова он изучал основы буддийского вероучения в Цонгольском дацане «Балдан Брэйбун», основателем которого был

* МИХАЛЕВ Максим Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия, maxmikhalev@yahoo.com

© Михалев М.С., 2025

** Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор “мягкой силы”» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023–2025 гг.)

первый Пандито Хамбо-лама Д.-Д. Заяев. Получив базовые представления о тибетском буддизме, в 1923 г. молодой бурятский хуварак решил отправиться в Тибет для того, чтобы продолжить свое обучение в одном из крупных монастырей Лхасы. Единственной проблемой оказался недостаток средств, которые 25-летний Чойдаг, обладавший, как говорят, недоужинной физической силой, зарабатывал достаточно нестандартно: участвуя в борцовских поединках и вызывая на бой встречавшихся ему в дороге монголов, а затем и тибетцев. Семейная легенда, впрочем, утверждает, что делал это он скорее по необходимости и обычно по их собственной просьбе, а не рассматривал это в качестве основного способа заработать деньги на дальнейший путь. Более того, однажды в Урге, почувствовав, что может стать победителем турнира и тем самым обидеть гостеприимных хозяев, Чойдаг сыграл «в поддавки» и уступил в финальной схватке местному бойцу, после чего ретировался и продолжил свое путешествие. Впечатленные его силой и благородством, монголы, однако, догнали молодого бурятского хуварака, обильно его угостили, одарили добрым конем и снабдили средствами на дальнейшую дорогу до Лхасы (Полевые материалы автора, далее – ПМА. 2023 г.).

Путь до столицы Тибета занял больше года, при этом двое спутников, с которыми Бадмажапов отправился из родной Бурятии, до конечной цели своего путешествия так и не добрались. Чойдаг же, оказавшись в Лхасе, продолжил обучение в Чже-дацане знаменитого тибетского монастыря Сэра, который стал его домом на целых семнадцать лет. Оказавшись прилежным и очень талантливым учеником, в 1941 г. он получил там высший титул в буддийской системе образования, геше-лхарамба, однако преподавать не стал и монастырь покинул. Дело в том, что во время одного из конфликтов был убит его учитель геше Тендар, и для Бадмажапова это стало настолько сильным ударом, что он от него так и не оправился. В том же году он поселился в доме одного из своих учеников, наследника влиятельного аристократического дома Хорканов Сонама Пэльбара, после чего снял с себя монашеские обеты и, несмотря на протесты своих учеников, в 1947 г. женился на этнической тибетке по имени Меток, которая проживала в этом же доме. Вскоре у них родились два сына-близнеца, которых родители нарекли Дава Церингом и Ванду.

Тем временем история старого Тибета неумолимо подходила к своему завершению. В 1951 г. в

Лхасу вошли части Народно-освободительной армии Китая, Страна снегов была постепенно интегрирована в состав КНР, а в 1959 г. Далай-лама XIV Тензин Гьяцо и его многочисленные сторонники бежали в Индию. Позднее, уже в 1960-х гг., в Тибете, как и во всем остальном Китае, бушевала Культурная революция, в ходе которой многие буддийские монастыри были разрушены, а ламы убиты или вынуждены стать мирянами. Однако на судьбу Чойдага Бадмажапова все эти события оказали лишь косвенное влияние. Связано это было с тем, что его покровитель Хоркан Сонам Пэльбар, который в конце 1940-х гг. был назначен отвечать за финансы при тибетском генерале Лхалу Цеванг Дордже, в конце концов присягнул на верность коммунистическому Китаю и вскоре отвечал уже за снабжение китайской армии [15]. Он также вошел в состав Подготовительного комитета по созданию Тибетского автономного района (ТАР), а затем занимал высокие должности в структурах новой, коммунистической власти региона, включая должность заместителя председателя Народного политического консультативного совета Тибета.

Интересно, что он также был заместителем директора Школы по подготовке административных кадров и отвечал в т.ч. за обучение тибетскому языку китайских управленцев и военнослужащих. Принимая во внимание то, что сам он в свое время обучался основам тибетской грамматики и тибетской классической литературы у Чойдага Бадмажапова, можно говорить и о том, что последний, будучи этническим бурятом, оказался в конечном итоге одним из просветителей Тибета и внес существенный вклад в распространение тибетского языка. Как утверждает в письме, написанном на русском языке 25 марта 1953 г. и переданном затем родственникам учителя, еще один его ученик, Содномбалбар, Бадмажапов лично принимал участие в подготовке учебников для китайских студентов (ПМА. 2022 г.).

Согласно официальной биографии, опубликованной на китайском языке [14], в 1951 г. Чойдаг стал членом редакционно-издательского совета Тибетского рабочего комитета, а затем работал редактором в «Сизцан Жибао» (西藏日报), основной официальной газете всего региона, печатном органе Тибетского районного комитета КПК. О его личной жизни в этот турбулентный для Китая период известно совсем немного. Есть сведения, что приблизительно в 1966 г., то есть когда ему было уже почти 70 лет, у Бадмажапова родилась дочь,

которую назвали Пенпа Цамчо (Бямбасанджу) [5]. В отличие от обоих сыновей-близнецов Чойдага, скончавшихся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., она до сих пор жива, проживает в Лхасе и также воспитывает дочь. Сам же Бадмажапов вскоре после рождения дочери в 1972 г. скончался в возрасте 75 лет там же, в столице Тибета, куда пришел почти полвека назад и где обрел свою семью и призвание.

В этой же биографии на китайском языке говорится и о том, что он ушел из жизни «несправедливо оклеветанным», а также о том, что затем был полностью реабилитирован после ликвидации «Банды Четырех» [14], однако никакой информации о том, в чем именно его обвиняли, нет ни на официальных ресурсах, ни в кратком рассказе о его жизни, составленном Джампой Тендаром, сыном его ученика и покровителя Сонама Пэльбара. Говорит он лишь о том, что в 1971 г., когда ему удалось тайно (?) посетить дом своего отца в Лхасе, Чойдаг уже плохо узнавал людей, и здоровье его совсем пошатнулось [5]. В любом случае, можно с уверенностью утверждать, что вклад выдающегося бурятского просветителя в сохранение и развитие тибетской культуры был в конце концов по достоинству оценен и коренными жителями региона, тибетцами, и правительством Китая, и его жизнь, полная неожиданных поворотов, не прошла незамеченной.

Возвращение на родину

Интересно, что имя Чойдага Бадмажапова стало частью истории Тибета и Китая в основном благодаря толковому тибетско-тибетскому словарю, который носит его имя, «словарь геше Чойджи-Дагба», и который не потерял своей научной ценности и актуальности вплоть до наших дней. Общепринятая версия его появления романтична и по-своему красива. Согласно ей, молодой хуварак из России, который обрел в далекой Лхасе вторую родину, для того чтобы чувствовать себя здесь как дома, должен был в совершенстве овладеть тибетским языком, и избрал для достижения этой цели довольно необычный метод. Каждый раз, отправляясь на прогулку по городу или путешествуя с паломническими целями по монастырям Тибета, он брал с собой и постоянно носил на поясе т.н. мешочек для слов (ПМА. 2022 г.). Услышав какой-нибудь новый термин и уточнив у коренных тибетцев его точное значение, он, предвительно вникнув в услышанное, клал это новое слово в отдельный «кармашек» своего мешочка.

Постепенно такое коллекционирование слов чужого языка вошло у Бадмажапова в привычку, и в конце концов у этнического бурята оказалось их больше, чем встречается в словарном багаже даже самого образованного коренного жителя Тибета. Однако лишь после ухода из монастыря и переезда в дом своего ученика у Чойдага появилось достаточно свободного времени и денежных средств для того, чтобы заняться систематизацией собранных им в ходе своих путешествий по Тибету и прогулок по Лхасе слов и словосочетаний. В результате кропотливой работы, спустя пять лет после ухода из монастыря в 1946 г., им был составлен ставший потом знаменитым тибетско-тибетский толковый словарь. Изданный ксилографическим способом в Лхасе в 1949 г. на средства и с помощью аристократического дома Хоркан, где он нашел приют, он сразу же становится лучшим толковым словарем тибетского языка на тот момент. В связи с тем, что его ученик и покровитель Сонам Пэльбар, как уже было сказано выше, вскоре начинает занимать высокие посты в китайской администрации Тибета, отвечая в т.ч. и за программы обучения новых кадров тибетскому языку, словарные статьи «словаря геше Чойджи-Дагба» снабжаются переводом на китайский язык, который выполнили известные филологи Чжан Кэцян (张克强) и Фа Цзунь (法尊). В 1957 г. словарь, уже вместе с этими комментариями, издается в Пекине Издательством национальностей (民族出版社), после чего рассылается во все тибетские библиотеки и вплоть до нашего времени используется многочисленными учеными, студентами и ламами.

Несмотря на то что словарь, помимо прочего, был давно известен и в России, на его тесную связь с Бурятией внимания до недавнего времени не обращали. Ситуация изменилась лишь в начале XXI в., после того как в 2003 г. в газете «Буряад Үнэн» вышла статья Д.Б. Базаровой, преподавателя Бурятского государственного университета [1]. Донид Батуевна, находясь до этого в Китае по программе обмена, познакомилась там с доктором наук Эрдени-Баяром, который и рассказал ей историю об авторе известного многим в России «словаря Чойдага». На эту статью в свою очередь обратил внимание внучатый племянник Чойдага Бадмажапова Владимир Дулмажапович Раднатаров, д.в.н., профессор Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. Воодушевившись историей своего необычного родственника, он решил собрать все имеющи-

еся документы, относящиеся к его биографии, для того чтобы затем донести историю его научного подвига до своих земляков, после чего принялся разбирать семейные архивы, опрашивать родных и знакомых и по крупицам собирать имевшуюся на тот момент информацию.

Младшая сестра Чойдага Бадмажапова Норжима, проживавшая в столице Монголии Улан-Баторе, ушла из жизни в 1991 г. Как было обнаружено в результате этих поисков, в ее сундуке, который открыли по просьбе Владимира Дулмажаповича, хранился экземпляр словаря «геше Чойджи-Дагба» самого первого издания 1957 г., который сам автор отправил в 1959 г. родственникам через своего ученика Содномбалбара, сопроводившего посылку небольшими комментариями на русском и старомонгольском языках. По просьбе В.Д. Раднатарова в 2014 г. внушительный книжный фолиант достиг, наконец, малой родины бурятского просветителя, села Ара-Алцагат Кяхтинского района Республики Бурятия. В настоящее время он хранится в доме родственников Чойдага Бадмажпова в качестве семейной реликвии и как напоминание о том, как скромный хуварак из небольшого приграничного бурятского села прославил свой народ и свою родину, навсегда вписав свое имя в историю далекого Тибета (ПМА. 2022 г.).

Сам словарь и история его появления не могли не заинтересовать и главу Буддийской традиционной сангхи России (БТСР) Пандито Хамбо-ламу Д. Аюшеева, который всегда уделял самое пристальное внимание разного рода реликвиям, осознавая их важную роль в формировании и развитии бурятской национальной идеи [9, с. 269–270]. В этой связи можно вспомнить и историю с обретением нетленного тела Хамбо-ламы Итигэлова, которая стала настоящим символом буддистского возрождения в Бурятии, и лик богини Янжимы, обнаруженный Д. Аюшевым возле с. Ярикто у подножия Баргузинского хребта, и Сандалового Будду Зандан Жуу, хранящегося сейчас в Эгитуйском дацане.

В то время как большинство реликвий, включая все вышеупомянутые, почитаются больше за свои волшебные свойства, словарь может служить бесспорным доказательством вклада бурят в развитие мировой науки. БТСР осознает важность этого факта и по этой причине поддержала репринтное издание словаря Чойдага Бадмажапова минимальным тиражом в сто экземпляров, при этом один из них был на исходе 2022 г. вручен

лично Д. Аюшеевым президенту Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям, известному российскому востоковеду профессору А.А. Маслову. Вручая дар, Хамбо-лама выразил надежду на то, что словарь будет переведен на русский язык, заручившись при этом поддержкой своей инициативы со стороны президента Фонда. В результате в настоящее время уже обсуждается возможность создания проектной группы по данному вопросу, и в сентябре 2024 г. Д. Аюшеев даже предложил возглавить работу по переводу словаря на русский язык Жигмеду Жамцо, хамбо-ламе Гоман дацана, когда тот посетил Бурятию. В конечном итоге появилась надежда на то, что и само имя Чойдага Бадмажапова, и его словарь станут известны в России достаточно широкому кругу специалистов, а также всем интересующимся историей и культурой нашей страны.

Стоит отметить, что и Владимир Дулмажапович Раднатаров, и его родственники и единомышленники, Марина Сосоржаповна Очирова и Цырен-дыжит Сосоржаповна Очирова, не ограничивают свои усилия популяризацией лишь толкового словаря. Они неустанно работают и над тем, чтобы также увековечить память о самом Чойдаге Бадмажапове. Эти их усилия хорошо заметны в информационном поле. На английском и русском языке была выпущена брошюра, посвященная его наследию, а бурятским радиослушателям стала известна история его жизни и научного подвига [11]. В то же время ими была обнаружена краткая история жизни геше Чойдага, написанная Джампой Тендаром, сыном его ученика Сонома Пэльбара, которую перевела на русский язык известный российский востоковед И.Р. Гарри [12]. Неоднократно предпринимались попытки наладить контакт с дочерью Чойдага Бадмажапова Бямбасанджу, пригласить ее посетить Бурятию. В силу ряда причин организовать такой визит пока не удалось, однако Владимир Дулмажапович не оставляет попыток этого добиться.

Наконец, в 2014 г. благодаря поддержке тогдашнего главы Кяхтинского района А.В. Буянтуева на малой родине бурятского просветителя, у села Ара-Алцагат, на живописной возвышенности между двумя обо, был сооружен бумхан, или молитвенный дом в честь Чойдага Бадмажапова [2]. Внутри небольшого, но аккуратного деревянного строения в его алтарной части установлен портрет ученого, выполненный в манере тибетской буддийской живописи танка, рядом, прямо перед портретом Далай-ламы XIV, стоит драгоценный сосуд

бумба, который, как утверждают, был найден в ходе строительства. Стены бумхана украшают портреты Бадмажапова и его учителей. У въезда же в село был установлен информационный щит, благодаря которому проезжающие также могут узнать об основных моментах жизни и о достижениях этого прославленного жителя Ара-Алцагата.

В 2024 г. рядом была открыта еще и юрта-музей, значительная часть экспозиции которой также посвящена жизни и деятельности Чойдага Бадмажапова. Посетители могут ознакомиться с фотографиями самого бурятского ученого и его ближайших родственников, которые были бережно собраны местными краеведами, посмотреть на ксерокопии его публикаций в тибетской газете «Сицзан Жибао» и письма его учеников, а также изучить воссозданную работниками музея родословную. Еще одним важным моментом в жизни села и всей республики стало открытие памятника Чойдагу Бадмажапову, которое состоялось тогда же, в июне 2024 г. Бурятский скульптор Баир Сундопов, работавший над бронзовым изваянием своего земляка в Иволгинском дацане, согласился сделать его бесплатно, деньги же на материал для памятника просветителю в рекордно короткие сроки собрали его земляки. Открытие, на котором присутствовал дид хамбо-лама БТСР Дагба Очиров, получилось праздничным [3], а спустя три дня Ара-Алцагат посетил и Пандито Хамбо-лама Аюшеев, который продолжает проявлять живой интерес к фигуре своего прославленного земляка и его научным достижениям.

Неизвестное наследие

Несмотря на все попытки бурятских краеведов и родственников Чойдага Бадмажапова воссоздать, хотя бы частично, его биографию, о его жизни и творческом наследии до сих пор известно не так много. При этом анализ фактов, доступных в открытых источниках, позволяет предположить, что прославивший его в Тибете, Китае, а теперь и в России толковый словарь мог быть далеко не единственным сочинением по тибетской культуре и филологии, к которому имел непосредственное отношение этот бурятский просветитель. Ведь среди его близких друзей, учеников и просто знакомых оказалось внушительное число людей, внесших существенный вклад как в развитие тибетской культуры, так и в историю и науку Китая и Индии.

В этом примечательном ряду выдающихся личностей, формировавших интеллектуальный кли-

мат Азии середины XX в., следует особо выделить Ге(н)дуна Чопела, своего рода «культурного героя» современного Тибета. Путешественник, литератор, общественный деятель и в какой-то мере «совесть» тибетского народа, он родился в 1903 г. в регионе Амдо в аристократической семье, его отец был ламой-перерожденцем школы Ньингма [7, с. 35]. Признанный еще в юном возрасте реинкарнацией настоятеля монастыря Дорже Драк в Центральном Тибете, он получил великолепное религиозное образование, обучаясь в лучших монастырях Амдо и Лхасы. Природная любознательность и скепсис, однако, готовили Гедуна Чопелу совсем иную судьбу. Повстречав европейского миссионера Мариона Грибену и искренне увлекшись достижениями современной ему науки и техники, он провел всю оставшуюся жизнь в скитаниях по миру в попытках соединить восточное и западное знание для того, чтобы покончить с патриархальностью Тибета, которую он считал губительной. Непризнанный на родине при жизни, усталый и больной, он умер в Лхасе в 1951 г. вскоре после своего возвращения из Индии. Его вклад был по достоинству оценен лишь после смерти, когда потомки признали его одной из ключевых фигур в истории современного Тибета. Интересно, что в этом сошлись и исследователи его жизни и творчества из числа западных ученых, и обычно несогласные с ними китайские авторы [13; 17].

Сюжеты жизненного поиска Гедуна Чопела подробно описаны, ему посвящено несколько биографических сочинений, в т.ч. и на русском языке [7, с. 64–68]. В контексте данной статьи нас, однако, больше всего интересует история его взаимоотношений с Чойдагом Бадмажаповым. Познакомившись и, по-видимому, крепко сдружившись еще в студенческие годы, оба пронесли эту дружбу через всю свою жизнь и при этом сыграли важную роль в судьбах друг друга. Важнейшим эпизодом, оказавшим влияние на дальнейшие траектории жизни двух товарищей, стало их знакомство в 1934 г. с индийским ученым, писателем, путешественником и общественным деятелем Рахулом Санкритьяном (1893–1963). Признаваемый у себя на родине в Индии одним из величайших ученых и путешественников современности [16], Рахул, взявший себе в качестве псевдонима имя единственного сына Будды Шакьямуни Рахулы, всерьез увлекся чуждым для современной ему Индии буддизмом, после чего решил заняться поиском исчезнувших сочинений буддийских ав-

торов. Он был уверен в том, что те из них, что пропали во времена мусульманских завоеваний его страны, были спрятаны бежавшими от войны и разорения монахами в соседних с Индией землях. Разыскивая эти манускрипты, Рахул совершил множество интересных экспедиций в различные уголки Азии – от Кореи и Японии до Шри-Ланки. Описание этих путешествий и снискало ему любовь читателей.

Возможно, самыми успешными из них, однако, оказались экспедиции в Тибет, в ходе которых Санкритьяну действительно удалось отыскать значительное число рукописей на санскрите, в т.ч. написанных на пальмовых листьях. Многие из тех сочинений, которые он, по легенде, вывез на двух десятках мулах в Индию и передал в дар Научному обществу Бихара и Ориссы в Патне, считались навсегда утраченными, и их новое обретение в наши дни обеспечило ученому-путешественнику заслуженную славу [4, с. 130]. Причем славу не только в самой Британской Индии, но и далеко за ее пределами, в т.ч. и в Советском Союзе, куда Рахул впервые прибыл по приглашению академика Ф.И. Щербатского вскоре после возвращения из Тибета в 1936 г. для работы в Институте востоковедения АН СССР.

Имя Рахула Санкритьяна хорошо известно отечественным индологам, тем более что он был знаком и состоял в переписке с Ю.Н. Рерихом [6]. Однако мало кто из них упоминает о том, что в его путешествиях по Тибету, в т.ч. и в ходе его экспедиции в монастырь Самье, где он совершил свои самые главные находки, его сопровождал упомянутый выше Гедун Чопел. Разбирал же, классифицировал и каталогизировал собранные ими рукописи перед их отправкой в Индию не кто иной, как Чойдаг Бадмажапов, которого известному индийскому ученому порекомендовал его старый друг, хорошо осведомленный о педантичности, скрупулезности и обширных познаниях бурятского монаха в тибетском языке и религиозной литературе. В результате именно Бадмажапову и, возможно, лишь ему одному оказалась доступна полная информация о коллекции знаменитого индийского путешественника. Все дело в том, что коллекции, оказавшиеся в Патне, до сих пор не обработаны, а местонахождение части собранных Санкритьяном в Тибете рукописей вообще неизвестно, как неизвестно и их полное содержание [4, с. 130, 142]. Сам Чопел после окончания этого важнейшего совместного проекта отправился вместе с Рахулом в путешествие по Британской Индии, где

провел долгих 11 лет в странствиях и исканиях. Бадмажапов же, которому Санкритьяну также предложил поехать в южные страны, остался в Лхасе, хотя некоторые источники и утверждают, что спустя несколько лет и тот также совершил паломничество по местам, связанным с земной жизнью Будды Шакьямуни [5].

Разнятся сведения и в том, что касается знакомства бурятского просветителя с еще одним значимым персонажем современной истории Тибета, Тарчином Бабу (1890–1976), тибетцем по рождению, христианином по вероисповеданию и литератором по профессии. В первой половине XX в. город Калимпунг в Британской Индии превратился в эмигрантскую столицу для жителей Страны снегов, которых не устраивал характер правления XIII Далай-ламы и которые мечтали о реформах для своей страны. Именно в этой политически активной среде и расцвел талант образованного и всесторонне одаренного, но при этом не слишком чистоплотного в методах достижения своих целей Тарчина Бабу, который был издателем и главным редактором тибетоязычной газеты «Зеркало Тибета». Выпускавшаяся с 1925 по 1963 гг., она не просто стала рупором тибетской эмиграции и сплотила вокруг себя разношерстные, но при этом неизменно оппозиционно настроенные силы – от коммунистов до агентов британской разведки. Достаточно вольно обращаясь с историческими фактами и при этом умело конструируя новые нарративы, ее редакция во многом и сформировала ту идеологию тибетского сепаратизма, на которой движение за независимость Тибета базируется и в наше время [8].

Конечно же, познакомился с Тарчином Бабу и Гедун Чопел, чьи чаяния совпадали с общим пафосом и идеологией «Зеркала Тибета». Не просто познакомился, но, по-видимому, еще и рассказал о тех рукописях, что были добыты им в сотрудничестве с Рахулом. Сам он в то время задумывался о том, чтобы написать на их основе, а также на основе свитков из Дуньхуана, которые стали ему доступны в Индии раньше, чем кому-либо из тибетцев, собственную версию ранней истории Тибета, «Белые анналы» или «Белую летопись». Благо, опыт по написанию подобных сочинений у него к тому времени имелся, ведь до этого он в течение нескольких лет помогал Ю.Н. Рериху в его работе над переводом тысячестраничной «Синей летописи» [7, с. 54]. В результате, когда Тарчин Бабу решил отправиться в Тибет для того, чтобы собрать необходимые ему материалы для дальнейшего

конструирования нового тибетского нарратива, Гедун дал ему адрес своего старого друга, Чойдага Бадмажапова, которого Тарчин, как до этого и Рахул, рассчитывал привлечь для классификации, индексации и каталогизации своих возможных находок.

Экспедиция 1937 г., которую возглавлял первый «белый лама» Америки, молодой исследователь Т.К. Бернارد (1908–1947), оказалась достаточно успешной, ведь в отдаленных монастырях Страны снегов ее участниками были найдены и затем собраны в Лхасе многочисленные старые ксилографы. Для их складирования и сортировки Тарчин решил избрать резиденцию влиятельной аристократической семьи Хоркан. Именно здесь, в доме Хоркана, и произошло важнейшее событие в жизни Чойдага Бадмажапова, во многом определившее ее дальнейший ход. Дело в том, что семнадцатилетнему сыну хозяина, Сонаму Пэльбару в то время требовался репетитор, который помог бы ему в освоении тибетского языка и классической литературы. Тарчин Бабу порекомендовал для этой цели сорокалетнего Чойдага, испытывавшего в тот момент сильную нужду в деньгах и при этом успевшего показать себя с лучшей стороны при работе с найденными им и Бернардом ксилографами. Сделка состоялась.

Молодой Солнам быстро привязался к своему преподавателю и признал в нем Наставника. В 1941 г., когда тот ушел из монастыря после смерти своего учителя, именно он пригласил Чойдага поселиться в своем доме, и Бадмажапов ответил согласием на это предложение. Когда же в 1945 г. из своих многолетних странствий в Лхасу возвратился Гедун Чопел, пришел уже черед Чойдага помочь старому другу, которому в столице Тибета было тогда нелегко найти пристанище. Тот принял приглашение с благодарностью, после чего наступил краткий, но при этом чрезвычайно важный период их совместного с Бадмажаповым творчества. Краткий – потому что уже в 1946 г. Чопел был арестован властями Тибета, обвинен в работе на Гоминьдан и советскую разведку и заточен в тюрьму, расположенную прямо в здании лхасского суда [7, с. 44]. Важный – потому что за этот неполный год Чойдаг, талант которого систематизировать и каталогизировать информацию никуда не делся, успел познакомиться и поработать с документами из т.н. «Черной коробки» своего друга, которые тот считал невероятно важными.

Дальнейшая судьба этих, по-видимому, действительно очень ценных для Тибета документов

довольно загадочна, и версий того, что с ними случилось после ареста Чопела, существует несколько. По одной из них, все документы были изъяты на месте, после чего исчезли и больше никогда не были найдены [17]. По другой, Чопел передал их на хранение Чойдагу Бадмажапову и наказал завершить дело его жизни, разобрав их и позднее опубликовав. Есть сведения и о том, что Чойдаг посещал своего друга в заточении, и тут смог передать ему какие-то бумаги, хотя сведения эти ненадежные. Наконец, Сонам Пэльбар, который безуспешно ходатайствовал об освобождении Чопела, утверждал, что тот передал все документы на хранение лично ему, назвав их своим главным богатством, и уже потом, уезжая из Лхасы на восточную границу, он передал их Чойдагу с просьбой отредактировать и подготовить к публикации [15].

В любом случае, можно с высокой долей вероятности утверждать, что в руки Чойдага Бадмажапова опять попали важнейшие документы, которые ему доверили в распоряжение благодаря его славе умелого каталогизатора и систематизатора. Возможно, это случайное совпадение, но в том же 1946 г., когда Гедун Чопел оказался в тюрьме, а его бумаги пропали, 49-летний бурятский геше неожиданно заканчивает свой знаменитый словарь, на написание которого даже у носителя языка могли бы уйти десятилетия, а вскоре, неожиданно для многих, женится на приживалке своего патрона, снимая с себя при этом монашеский сан и окончательно избирая для себя книжную стезю. Вышедший на свободу по амнистии спустя всего три года, в 1949 г., его тибетский друг уже не находит в доме Хоркана никаких ценных бумаг, впадает в депрессию и отказывается продолжать работу над «Белой летописью», о чем просит его тибетское правительство [17]. Книга эта выйдет позднее, уже после его смерти, в 1952 г., и редактором самой первой версии этого труда, по некоторым сведениям, окажется Чойдаг Бадмажапов [15].

Тот факт, что и после всех этих событий в распоряжении последнего будет оставаться большое количество важнейших материалов по истории и культуре Тибета, можно вывести из некоторых современных публикаций, где, правда, утверждается, что то были плоды его усилий по углублению и расширению толкового словаря, с которым после 1946 г. стало неизменно ассоциироваться его имя [5]. Нам это утверждение кажется сомнительным, т.к. веских причин для продолжения ра-

боты по наполнению своего «мешочка со словами» у Чойдага не было, ведь его словарь оказался настолько всеобъемлющим, что навряд ли требовал серьезной доработки. Гораздо более логичной выглядит версия о том, что после того, как он с 1951 г. стал работать в редакционно-издательском совете Тибетского рабочего комитета, в его распоряжении оказывалось много материалов, которые все так же требовали систематизации, каталогизации и дальнейшего издания. Были ли среди них материалы, связанные с находками Санкритьяна, экспедицией Т.К. Бернарда и Тарчина Бабу, или же Чойдаг Бадмажапов продолжал разбирать содержимое «Черной коробки» Гедуна Чопела – пока об этом мы можем только гадать. Как можем гадать и о судьбе всех этих бесценных материалов, которые, как утверждают, пропали в годы Культурной революции [5].

Не ясно, пропали ли они окончательно или ждут еще своего пытливого исследователя. Известно лишь, что к исчезновению оказалась причастна жена Чойдага Меток, которая, испугавшись возможных проблем, куда-то унесла или уничтожила все имевшиеся на тот момент в доме карточки и доски, по поводу чего сам Чойдаг позже сильно сокрушался [5]. При этом, как и полагается рукописям, они, по-видимому, все-таки не «сгорели» окончательно. По крайней мере, Хоркан Сонам Пэльбар смог после начала реформ в Китае раздобыть и издать некоторые работы Гедуна Чопеля. Собственно, популяризации работ своего учителя Сонам Пэльбар и посвятил последние годы жизни. Эта популяризация вывела его самого в разряд известных тибетологов Китая, а также, что немного парадоксально, способствовала тому, что в КНР Чойдаг Бадмажапов известен не только как автор толкового тибетского словаря, но и как наставник одного из ведущих политиков и ученых страны. В свою очередь это оставляет надежду на то, что наследие самого Чойдага Бадмажапова будет когда-то обретоно в полной мере и в нашей стране, как это случилось не так давно с его знаменитым словарем.

Взгляд в будущее

Возможно, пролить свет на обстоятельства этой истории и на судьбу рукописей и документов, которые в разные годы оказывались в распоряжении Чойдага Бадмажапова, помогут его письма родственникам в Бурятии, о которых упоминал в своем телевизионном интервью Владимир Раднатаров [10]. Возможно, с этой же точки зре-

ния могут оказаться полезными документы из сундука младшей сестры Чойдага Норжимы, которые, как уверяют родственники, так и не были разобраны до конца (ПМА. 2024 г.). Не меньшую пользу может принести и работа с наследием тибетских экспедиций Рахула Санкритьяна, ведь, как уже было сказано, те рукописи, что он привез из Тибета и передал в дар музею в Патне, там почти не выставляются и настоятельно требуют анализа и разбора. Материалы, связанные с деятельностью Чойдага Бадмажапова в составе редакционно-издательского совета Тибетского рабочего комитета, а также его работа в качестве редактора в партийной газете «Сицзан Жибао» и, в частности, его публикации в период с 1951 по 1972 гг. представляют огромный интерес. Не менее значимыми, как нам кажется, являются учебники тибетского языка для китайских студентов, о которых упоминали его ученики и которые пока не были изучены российскими исследователями.

Очевидно, что многие проблемы вызваны сложностью доступа к иностранным источникам, особенно к тем, что находятся в Китае, однако не меньшую роль играет и нехватка специалистов с достаточной широтой кругозора и соответствующими лингвистическими компетенциями. Сам Чойдаг Бадмажапов за свою яркую и плодотворную жизнь смог овладеть тибетским языком на уровне, позволившем ему стать автором лучшего на тот момент толкового словаря и редактировать учебники тибетского языка для китайских студентов. Он плотно сотрудничал и с официальными лицами КНР, и с представителями тибетской оппозиции, и с учеными из США и Индии. Для того, чтобы в полной мере оценить наследие, накопленное одним из выдающихся буддийских учителей России в результате всех этих контактов, в наши дни требуются специалисты, обладающие столь же разносторонними компетенциями и столь же обширными связями?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базарова Д.Б. Гэбшэ-хаарамба Чойжи-даг-ба // Буряад Үнэн. 2003. № 28. С. 7.
2. Будатарова А.В. Кяхтинском районе установлен Бумхан Чойдака Бадмажапова // Портал «Родное село». URL: <http://selorod-noe.ru/news/-show/-id3-674925/function.fopen?ysclid=m1riqu2yu-87-59672681>
3. В Кяхтинском районе открыли памятник земляку, составившему словарь тибетского языка // ARD: портал деловой информации. 24 июня 2024 г. URL: <https://asiarussia.ru/news/40998/>

4. Герке Б. Тибетские открытия Рахула Санкритьяны // Ариаварта. 1998. № 2. С. 127–143.
5. Дарибазарова Ц.-Х. Толковый словарь геше Чойдака (1897–1972) // Проект Soyol.ru. 7 июня 2024 г. URL: <https://soyol.ru/culture/history-of-buryatia/5986/>
6. Митрохин Л.В. К вершинам мировой буддологии: Махапандит Р. Санкритьяна и Ю. Рерих. История писем, обнаруженных в Дарджилинге // Ариаварта. 1998. № 2. С. 144–156.
7. Михайлова Н.Н. Жизнь и творчество Гедун Чопела (1903–1951) – первого современного тибетского ученого, литератора, просветителя // Тибетская литература в современном литературном процессе Китайской Народной Республики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 33–70.
8. Михайлова Н.Н. Конструирование метанарратива независимости в газете «Зеркало Тибета» в 1950-е – 1960-е гг.: дис. ... канд. ист. н. СПб., 2023.
9. Михалев М.С. Засечная черта Внутренней Азии: Южная Сибирь и евразийская интеграция. М.: ИКСА РАН, 2023.
10. Памятник Чойдагу Бадмажапову – создателю толкового словаря тибетского языка: телевизионный репортаж // ТРК «Тивиком». URL: <https://rutube.ru/video/1ebcab153c6791692df08e7174026427/>
11. Сергей Дулмажапович, Марина Сосоржаповна, Цыденова Виктория, Дымчикова Жанна (интервью) // Буряд FM. 13 сентября 2020 г. URL: <https://buriad.fm/broadcast/5653/>
12. Хорканг Джампа Тендар. Геше Чойдак, каким я его знал, и его словарь // Кяхтинские вести. 2024. № 24.
13. Ваньма Лэнчжи. Гэндунь цюньпэй даши дуй цзан юй юйянь вэнцзы яньцзю дэ сюэшун гунсянь (Научный вклад великого учителя Гедуна Чопела в исследования тибетского языка) // Чжунго цзансюэ. 2010. № 3. С. 154–157.
14. Гэси Цюйцзи Чжаба (Геше Чойчжи-Дагба). URL: http://cn.zyw.xizang.gov.cn/xzwh/rwjs/2020-06/-t20200628_159775.html
15. Ngulphu, S.T., 2023. Horkhang Sonam Pelbar. URL: <https://treasuryoflives.org/biographies/view/Horkhang-Sonam-Pelbar/2424>
16. Prakash, P., 2017. Mahapandit Rahul Sankrityayan: an atheist monk. URL: <https://www.sahapedia.org/mahapandit-rahul-sankrityayan-atheist-monk>
17. Stoddard, H., 2009. Gendun Chopel. URL: <https://treasuryoflives.org/biographies/view/Gendun-Chopel/3866>.

REFERENCES

1. Bazarova, D.B., 2003. Gebshe-haaramba Choizhi-dagba [Geshe Choizhi-Dagba], Buryaad Ynen, no. 28, p. 7. (in Buryat)
2. Budatarova, A., 2014. V Kyakhtinskom raione ustanovlen Bumkhan Choidaka Badmazhapova [Bumkhan to Choidag Badmazhapov was erected in Kyakhta]. URL: <http://selorodnoe.ru/news/-show/-id3674925/-function.fopen?ysclid=m1riqu2yu8759672681> (in Russ.)
3. V Kyakhtinskom raione otkryli pamyatnik zemlyaku, sostavivshemu slovar' tibetskogo yazyka [A monument devoted to a fellow citizen who compiled a dictionary of the Tibetan language was unveiled in Kyakhta district]. URL: <https://asiarusia.ru/news/40998/> (in Russ.)
4. Gerke, B., 1998. Tibetskie otkrytiya Rakhula Sankrit'yayany [Rahul Sankrityayan's Tibetan discoveries], Ariavarta, no. 2, pp. 127–143. (in Russ.)
5. Daribazarova, Ts.-Kh., 2024. Tolkovyi slovar' geshe Choidaka (1897–1972) [Geshe Choidag's (1897–1972) dictionary]. URL: <https://soyol.ru/culture/history-of-buryatia/5986/> (in Russ.)
6. Mitrokhin, L.V., 1998. K vershinam mirovoi buddologii: Makhapandit R. Sankrit'yayana i Yu. Rerikh. Istoriya pisem, obnaruzhennykh v Dardzhilinge [To the heights of world Buddhist studies: Mahapandit Rahul Sankrityayan and Yuri Roerich. The history of letters discovered in Darjeeling], Ariavarta, no. 2, pp. 144–156. (in Russ.)
7. Mikhailova, N.N., 2014. Zhizn' i tvorchestvo Gedun Chopela (1903–1951) – pervogo sovremenogo tibetskogo uchenogo, literatora, prosvetitelya [Life and works of Gedun Chopel (1903–1951), the first scholar, writer and educator of modern Tibet]. In: Tibetskaya literatura v sovremennom literaturnom protsesse Kitaiskoi Narodnoi Respubliki. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2014, pp. 33–70. (in Russ.)
8. Mikhailova, N.N., 2023. Konstruirovaniye metanarrativa nezavisimosti v gazete «Zerkalo Tibeta» v 1950-e – 1960-e gg. [Construction of a metanarrative of independence in «Zerkalo Tibeta» newspaper in the 1950s and 1960s], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
9. Mikhalev, M.S., 2023. Zasechnaya cherta Vnutrennei Azii: Yuzhnaya Sibir' i evraziiskaya integratsiya [Fortified line of Inner Asia: Southern Siberia in Eurasian integration]. Moskva: IKSA RAN. (in Russ.)
10. Pamyatnik Choidagu Badmazhapovu – sozdatelyu tolkovogo slovaryia tibetskogo yazyka: televizionnyi reportazh [A monument to Choidag Badmaz-

hapov, the creator of an explanatory dictionary of the Tibetan language: a TV report]. URL: <https://rutube.ru/video/1ebcab153c6791692df08e-7174026-427/> (in Russ.)

11. Sergei Dulmazhapovich, Marina Sosorzhapovna, Tsydenova Viktoriya, Dymchikova Zhanna (interv'yu) [Sergei Dulmazhapovich, Marina Sosorzhapovna, Tsydenova Viktoriya, Dymchikova Zhanna: an interview]. URL: <https://buryad.fm/broadcast/-5653/> (in Russ.)

12. Khorkang Dzhapma Tendar, 2024. Geshe Choidak, kakim ya ego znal, i ego slovar' [Geshe Choidag as I knew him and his dictionary], Kyakh-tinskie vesti, no. 24. (in Russ.)

13. 完玛冷智. 2010. 更敦群培大师对藏语言文字-研究-的学术贡献 [Great teacher Gedin Chopel's academic contribution to the study of Tibet language], 中国藏学, no. 3, pp. 154–157. (in Chinese)

14. 格西·曲吉扎巴 [Geshe Choizhi-Dagba]. URL: http://cn.zyw.xizang.gov.cn/xzwh/rwjs/202006/t20200628_159775.html (in Chinese)

15. Ngulphu, S.T., 2023. Horkhang Sonam Pelbar. URL: <https://treasuryoflives.org/biographies/view/Horkhang-Sonam-Pelbar/2424>

16. Prakash, P., 2017. Mahapandit Rahul Sankrityayan: an atheist monk. URL: <https://www.sahapedia.org/mahapandit-rahul-sankrityayan-atheist-monk>

17. Stoddard, H., 2009. Gendun Chopel. URL: <https://treasuryoflives.org/biographies/view/Gendun-Chopel/3866>.

*Статья поступила в редакцию 06.12.2024;
рекомендована к печати 27.01.2024*